

0534

HARLEQUIN®

ЦЕНТРОЛИГРАФ

Мантель Мой

ЩЕДРОЕ СЕРДЦЕ

Потеряв себя нахожу

ЛЮБОВНЫЙ РОМАН

Шантель Шоу
Щедрое сердце
Серия «Любовный роман – Harlequin», книга 534

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11668631
Щедрое сердце: роман / Шоу Шантель; Пер. с англ. О.Ю. Ефремовой: Центрполиграф; Москва;
2015
ISBN 978-5-227-06114-0

Аннотация

Сальваторе Кастеллано не ожидал, что, подыскивая специалиста для занятий со своей дочерью, он встретится с очаровательной Дарси. Несколько месяцев, проведенных вместе на Сицилии, привели к тому, что были раскрыты все тайны, решены все проблемы, расцвела любовь...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	11
Глава 3	19
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Шантель Шоу

Щедрое сердце

Глава 1

– Один человек хочет вас видеть. Мужчина!

Дарси с удивлением взглянула на свою обычно невозмутимую секретаршу, в голосе которой слышалось волнение.

– Его зовут Сальваторе Каstellано, – продолжала Сью. – Вас порекомендовал ему Джеймс Форбс. Он хочет договориться о курсе логопедии для своей дочери.

– Но Джеймсу известно, что отделение практически закрывается.

Дарси была озадачена. Джеймс Форбс возглавлял педиатрическую кохлеарную имплантационную программу в клинике и громогласно выражал свое неодобрение урезанием средств логопедического отделения.

Сью пожала плечами.

– Я объяснила ему это, тем не менее мистер Каstellано желает поговорить с доктором Дарси Риверс. – Она заговорщически добавила: – Мне кажется, он не привык, чтобы ему перечили. Он требует встречи с вами. Опасный и мрачный тип. Наверное, мне не следует говорить так, поскольку я замужем двадцать четыре года, но он обжигает.

Дарси была вынуждена признать, что ее заинтриговал мужчина, сумевший превратить Сью в комок гормонов. Ей вовсе не обязательно встречаться с этим Сальваторе Каstellано. Но, черт! Ее ждет пустой дом и одинокий ужин, если она вообще решит готовить.

– Пригласи его.

Сью вышла в коридор, а Дарси снова занялась освобождением ящиков стола. Шкафы для документов уже были очищены. Оставалось отнести вниз сертификаты, говорящие о ее достижениях: почетный бакалавр естественных наук, магистр логопедии, специалист высшей квалификации по работе с глухими.

«Недостаточно быть экспертом в своей области, чтобы сохранить работу», – печально подумала она. Бюджет клиники «Иннер Лондон» был значительно урезан, а ее должность сокращена. Потеря работы вынудила Дарси распрощаться с прошлым и подумать о будущем. Решение взять перерыв на пару летних месяцев было вызвано главным образом тем, что она надеялась утрясти все детали, связанные с открытием собственной практики. Но, главное, молодая женщина надеялась забыть развод и навсегда вычеркнуть из своей жизни лживую крысу, за которой она когда-то была замужем.

Ее взгляд упал на именную табличку на столе. Она стала Риверс, выйдя замуж за Маркуса, и сохранила его фамилию после развода, так как не хотела возвращаться к своей громкой девичьей фамилии. Дарси была растоптана и унижена, когда поняла, что Маркус женился на ней в надежде, породнившись с известной в театральных кругах семьей Харт, сделать карьеру. Но она была так влюблена, так очарована его обаянием и привлекательной внешностью, что с нехарактерной для нее импульсивностью согласилась выйти замуж спустя четыре месяца после знакомства.

Дарси подошла к окну и взяла папоротник, росший в горшке. Она унаследовала его два года назад, когда заняла должность главного специалиста-логопеда. Растение было полумертвым, и Сью предложила его выкинуть. Но Дарси любила вызов и так ухаживала за ним, что папоротник ожил, превратившись в массу кружевных ярко-зеленых листьев.

– Не волнуйся, я заберу тебя домой, – пробормотала молодая женщина.

Она читала, что растения реагируют, если разговаривать с ними. Однако их беседы хранились в строжайшей тайне. В конце концов, она была высококвалифицированным профессионалом и разумным человеком. Ее семья и друзья были бы потрясены, узнав, что она разговаривает с растениями.

Дверь открылась, и Дарси повернула голову. Сюю провела в кабинет мужчину. Солнечные лучи освещали его худощавое лицо. Да, он был совсем не похож на Маркуса. Но он не был сдержанным и, уж точно, от него не веяло спокойствием. Теперь она поняла, почему Сюю сказала, что он обжигает.

Сальваторе Кастеллано выглядел так, словно принадлежал другому веку, когда рыцари на конях сражались в кровавых битвах и спасали прекрасных дам. Дарси заставила себя оценить его объективно, однако образ древнего рыцаря не исчез. Возможно, дело было в чертовски сексуальной комбинации черных джинсов и рубашки, а также поношенного кожаного пиджака, подчеркивавшего ширину его плеч. К тому же мистер Кастеллано был очень высок – ему пришлось наклонить голову, чтобы не задеть притолоку.

Сердце ее подпрыгнуло, когда она подняла глаза и посмотрела ему в лицо. Он был не так красив, как Маркус. Красавцем его назвать было сложно, но черты лица были по-настоящему мужественными: твердые линии, квадратный подбородок, прямой нос и темные пронизывающие глаза под густыми бровями. Глаза не выдавали мыслей, а рот был сжат. Судя по всему, этот человек редко улыбался. Волосы у него были густыми и черными, спадающими на плечи. У Дарси возникло ощущение, что ему наплевать на свою внешность и он не горит желанием повидаться с парикмахером.

Дарси чувствовала, как у нее засосало под ложечкой. То, что она нашла незнакомца привлекательным сексуально, поразило и озадачило ее. Ведь она, можно сказать, умерла с тех пор, как обнаружила, что Маркус спит с гламурной моделью – обладательницей огромных груди. Стрела желания пронзила ее. У Дарси перехватило дыхание. От Кастеллано исходила такая энергия, что она впервые осознала смысл слов «мужская сила» и «женская слабость».

Дарси поймала себя на мысли, что сдерживает дыхание. Она выдохнула и задрожала, однако сумела овладеть собой и подарила ему вежливую дежурную улыбку.

– Мистер Кастеллано? Чем могу вам помочь? Он взглянул на табличку на ее столе и нахмурился:

– Вы Дарси Риверс?

Говорил он с сильным акцентом. Наверное, итальянским, предположила Дарси. Мужчина вел себя очень высокомерно.

– Да, я, – холодно ответила она.

– Я ожидал увидеть кого-нибудь постарше. Джеймс Форбс говорил, что Дарси Риверс – опытный логопед, любящий свою работу. Услышав это, Сальваторе представил седовласую даму в твидовом жакете и в очках. А сейчас перед ним стояла девушка с личиком в форме сердечка и копной медно-каштановых волос, блестящих, словно шелк, на ярком солнце.

Он окинул взглядом ее женственную фигуру, отметив, что жакет в стиле сороковых годов прошлого века подчеркивает тонкую талию и округлые бедра. Ноги у нее были стройные, и Сальваторе предположил, что она выбрала трехдюймовые каблуки, чтобы казаться выше. Лицо Дарси Риверс было скорее миловидным, чем красивым: рот слишком широк, а глаза слишком велики, что придавало ей сходство с эльфом. Под жакетом блузка была застегнута на все пуговицы. Интересно, так ли она строга, как выглядит?

Дарси вспыхнула.

– Извините, если разочаровала вас, – с неприкрытой иронией произнесла она.

– Я не разочарован, мисс Риверс.

Голос у него был низкий, с сексуальной хрипотцой, отчего волосы на шее Дарси встали дыбом.

– Я просто удивлен. По-моему, вы слишком молоды, чтобы обладать высокой квалификацией.

Дарси знала, что выглядит лет на пять моложе. Вероятно, когда ей исполнится пятьдесят, она будет радоваться этому, а пока в университете и на собеседованиях ей приходилось нелегко. И конечно, имя не помогало. Узнав, что она – Харт, люди, как правило, удивлялись, почему Дарси не пошла по стопам родителей. Хорошо хоть, Сальваторе Каstellано это неизвестно. Однако Дарси испытала раздражение, когда он упомянул ее возраст.

– Мне двадцать восемь, – отрывисто бросила она. – И Риверс моя фамилия по мужу.

На лице Каstellано ничего нельзя было прочесть.

– Прошу меня извинить, миссис Риверс. «Зачем я так сказала?» – спросила себя Дарси.

Наверное, из стремления подчеркнуть, что она не так уж юна.

– Вообще-то я предпочитаю обращение «мисс». Сю вышла. Сальваторе закрыл дверь и подошел к ней.

– Рад, что мы разрешили этот вопрос, – сухо сказал он. – А сейчас, может, мы присядем, и я объясню причину моего визита?

Его высокомерию не было границ. Краска проступила на щеках Дарси, и она открыла было рот, чтобы велеть ему убираться, как вдруг заметила, что он прихрамывает.

– Результат автокатастрофы, – коротко пояснил Сальваторе. – Внутри моей ноги куча металла.

Дарси смутилась – он заметил, как она разглядывает его. Ей будто снова исполнилось шестнадцать, когда она была робкой и неуверенной в себе, что удивительно для членов ее семьи, которым присуща самоуверенность.

«Не будь тихой мышкой, дорогая, – регулярно повторял отец. – Верь в себя, потому что, если ты не веришь в себя, как ты заставишь поверить других?»

Для ее отца так, может, оно и было. За тридцатилетнюю карьеру Джошуа Харт завоевал репутацию одного из самых лучших исполнителей шекспировских пьес. Харизматичный, волнующий и непредсказуемый, он мог не замечать собственных детей, когда погружался в ту или иную роль. Он был не только хорошим актером, но и блестящим драматургом – три его пьесы ставились в Вест-Энде. Джошуа Харт не страдал неуверенностью в себе.

«Актерское мастерство в твоей крови, – говорил он Дарси. – Разве может быть иначе, когда в тебе переплелись мои гены и гены твоей матери?»

Ее мать, Клаудия, была одаренной актрисой. Брат и две сестры Дарси тоже выступали на сцене. Она особенно была близка со своей младшей сестрой, Миной, и гордилась тем, что та сумела перебороть себя.

Только Дарси избрала иной путь, и Джошуа не скрывал разочарования. Иногда ей казалось, что отец воспринял ее отступление от семейной традиции как личное оскорбление. С ним никогда не было особенно легко, а в последние годы в их отношениях появилась трещина, которую Дарси очень хотела заделать.

– Мисс Риверс!

Резкий голос Сальваторе Каstellано вернул ее в настоящее. Не дожидаясь приглашения, он сел в одно из кресел возле ее стола, вытянув поврежденную ногу. Дарси решила, что пора вернуть контроль над ситуацией.

– Боюсь, я могу уделить вам только несколько минут, мистер Каstellано, – живо произнесла она. – У меня много дел.

Его брови приподнялись.

– Вы хотите сказать, у вас есть пациенты? Если я правильно понял Джеймса Форбса, отделение логопедии закрывается.

Дарси вспыхнула, так как на сегодняшний день у нее ничего назначено не было. Она обошла стол и села, выставив перед собой папоротник в качестве барьера.

– Так и есть. Я освобождаю кабинет. Однако у меня есть личные дела.

«Какого рода личные дела?» – подумал Сальваторе. Может, она торопится домой, к своему мужу, чтобы заняться в этот ленивый летний полдень любовью? Бросив взгляд на левую руку женщины, он заметил, что на ее пальце нет кольца. Сальваторе нахмурился. Почему его интересует личная жизнь мисс Дарси Риверс? Все, что ему нужно, – ее опыт и знания.

– Я пришел к вам, мисс Риверс, потому, что хочу нанять логопеда, специализирующегося на работе с глухими детьми и особенно с теми, у кого есть кохлеарные имплантаты. Моей пятилетней дочери поставили двусторонние имплантаты два месяца назад. Роза глухая. Она хорошо знает язык жестов, но не умеет общаться вербально.

Дарси вдохнула слабый аромат его одеколона – сандалового дерева – и почувствовала, как ее охватила дрожь. Она пожалела, что села за стол. Это не придало ей профессиональный вид. Оказавшись так близко к Сальваторе, она могла думать только о том, что он чертовски сексуален.

Боже милостивый! Дарси мысленно дала себе подзатыльник и сконцентрировалась на деле.

– Имплантаты вашей дочери вживили в Англии?

– Да. Джеймс Форбс – ее лечащий врач.

– Тогда Джеймс должен был объяснить вам, что, хотя отделение закрывается, специалисты-логопеды в клинике останутся. Правда, их будет меньше, что, к сожалению, создаст длинные очереди, – с грустью добавила она.

– Роза была частной пациенткой Джеймса.

– Понятно, – медленно проговорила Дарси. – Но почему Джеймс рекомендовал вам меня? Я в любом случае не смогла бы заниматься с вашей дочерью, так как срок моего контракта истек.

– Джеймс сказал, что вы собираетесь открыть собственную практику.

– Я надеюсь заняться этим в будущем, а сейчас в мои планы входит отпуск, и лето я проведу на юге Франции. Извините, не могу вам помочь, мистер Кастеллано, но я готова рекомендовать нескольких специалистов, которые, я уверена, будут рады работать с вашей дочерью.

В голосе его послышались стальные нотки.

– Джеймс утверждает, что вы лучшая. – Он бросил на Дарси пронизывающий взгляд. – Для дочери мне нужно только самое лучшее, и я хорошо заплачу вам.

Дарси нахмурилась:

– Дело не в деньгах...

– Опыт научил меня, что именно в них, мисс Риверс.

Саркастичный ответ заставил Дарси ощетиниться. Вероятно, он, как и некоторые ее бывшие коллеги, считает, что она решила заняться частной практикой, чтобы увеличить свои доходы. Но дело было не только в этом. Дарси нужна была свобода, чтобы воплотить в жизнь собственные наработки для обучения детей с нарушениями слуха.

– Я понимаю, что вы и мать Розы хотите, чтобы сеансы логопедии с вашей дочерью начались как можно скорее. Дети с врожденными дефектами слуха приобретают хорошие коммуникационные и языковые навыки, если курс терапии начат сразу после имплантации.

Дарси поколебалась. Где мать девочки? Странно, что Сальваторе пришел один. В ее голове зазвенели тревожные колокольчики. Ей были знакомы ситуации, когда родители придерживались диаметрально противоположных взглядов на методы лечения их ребенка.

– Скажите, мать вашей дочери согласна с вами?

– Моя жена умерла, когда Розы была совсем маленькой.

Дарси бросила на него потрясенный взгляд.

– Мне жаль, – пробормотала она.

Ее мысли вернулись к дочери Сальваторе. Большую часть жизни маленькая девочка прожила в своем безмолвном мире, и, если сейчас она могла слышать благодаря кохлеарным имплантатам, звук был для нее странным и, возможно, пугающим явлением. Розы и так многое пришлось пережить. Трагичным было уже то, что она росла без матери, а ее отец был так же эмоционален, как гранитная глыба.

Дарси вспомнила свою мать. Полгода назад Клаудии поставили диагноз «злокачественная меланома». К счастью, лечение привело к успеху, но Дарси не забыла, в какое отчаяние она впадала при мысли о том, что может потерять маму. Ее сердце пронзила боль.

Она взглянула на Сальваторе и обнаружила, что он пристально ее изучает. Сначала ей показалось, что глаза у него черные, но теперь, вблизи, она видела, что они темно-карие, обрамленные густыми черными ресницами. Становятся ли они теплее, когда он улыбается? И улыбается ли он вообще? Ее взгляд опустился на четкую линию его губ. Смягчатся ли эти губы, если он поцелует ее? Без сомнения, темная щетина на подбородке будет колоть ее кожу...

Дарси резко втянула в себя воздух.

– Я бы хотела помочь вашей дочери, мистер Кастеллано, но, повторяю, меня не будет в стране несколько месяцев.

– Если я правильно понял, вы будете отдыхать на Французской Ривьере?

– Да. У моей семьи вилла в Ле-Лаванду, которую я собираюсь использовать как базу. Я планирую путешествовать по побережью, возможно, побывать в Италии.

Сальваторе оценивающе посмотрел на нее:

– Вы собираетесь ехать одна? Почему с вами не едет муж?

На кончике ее языка вертелась фраза: «А какое, собственно говоря, вам до этого дело?» Однако Дарси опустила глаза и сдержанно сказала:

– Я разведена.

– И у вас никого нет? Никакого бойфренда?

– Я не вижу...

– В таком случае, – перебил он ее, – почему бы вам не провести лето на Сицилии и помочь моей дочери? Вы сказали, что предполагаете посетить Италию, – напомнил Сальваторе. – Сицилия – жемчужина Италии, хотя, признаюсь, я могу быть пристрастным.

Уголки его губ приподнялись. Это не была улыбка, но намек на то, что он не так уж холоден, как кажется, и что ему не чуждо чувство юмора.

– Вы сицилиец?

– До глубины души.

Его акцент неожиданно стал сильнее. Впервые с того момента, как Сальваторе вошел в ее кабинет, Дарси уловила эмоцию в его голосе – гордость своими корнями.

– Я живу в замке, который был построен в тринадцатом веке одним из моих предков. Торре-д'Аквила отреставрирован и оснащен всеми удобствами двадцать первого века, – пояснил он, неверно истолковав выражение, появившееся на ее лице. – Вам там будет весьма удобно. В замке есть бассейн, да и пляж недалеко.

Дарси подняла руку, останавливая его:

– Мистер Кастеллано, не сомневаюсь, что ваш замок прекрасен, но я не собираюсь ехать на Сицилию. К тому же я не знаю итальянского, поэтому не смогу учить Розы ее родному языку.

– Я решил, что ей лучше изучать английский. Моя жена была наполовину англичанкой. Адриана умерла до того, как Розы поставили диагноз «глухота». Пусть Розы изучает язык

своей матери. Кстати, Джеймс Форбс считает, что позднее она сможет научиться говорить и по-итальянски.

Дарси кивнула:

– Я встречалась с детьми, которые тоже страдали глухотой и освоили два языка, но, конечно, для начала нужно сконцентрироваться на одном. Думаю, Джеймс объяснил вам, что овладение языком может стать длительным процессом. Девочке понадобится не только интенсивный логопедический курс, но и поддержка со стороны семьи.

– Роза общается на британском языке жестов, которым вы владеете в совершенстве. – Сальваторе подался вперед, впиваясь в Дарси взглядом. – Джеймс высоко оценивает ваш профессионализм, но, главное, – ваш талант общения с глухими детьми.

– Моя сестра потеряла восемьдесят процентов слуха после перенесенного в детстве менингита, – сказала Дарси. – Я видела, как тяжело ей приходится, поэтому решила помогать таким детям.

Сальваторе понял, что она смягчается. Чтобы закрепить преимущество, он достал из кармана пиджака бумажник и вытащил из него фотографию.

– Роза – застенчивый ребенок. Из-за недуга ей тяжело общаться с людьми. Я надеюсь, что, заговорив, она обретет уверенность в себе. Помогите ей, Дарси. Джеймс Форбс уверен, что вы справитесь лучше кого бы то ни было.

О боже! То, как он произнес ее имя, вызвало у Дарси мурашки. Его темные глаза, его голос гипнотизировали.

Дарси смотрела на фотографию поразительно красивой девчушки с копной темных волос, спадающих на тонкое личико. Разумеется, по снимку нельзя было сказать, что Роза страдает глухотой. Только взглядевшись пристальнее, Дарси заметила на ее личике печать одиночества, и ее сердце заныло.

Не будет никакого вреда, если она посмотрит ребенка и сделает предварительные выводы. Затем она может передать девочку одному из своих коллег, которые также попали под сокращение. Кто-нибудь обязательно захочет вести Розу.

Дарси не догадывалась, что нерешительность отражается в ее глазах. У нее красивые глаза, решил Сальваторе. Они необычного светло-зеленого цвета – совсем как у камня, который висит у нее на цепочке. Его удивлял вспыхнувший в нем интерес к мисс Риверс – прошло много времени с тех пор, как он был заинтригован женщиной. Нежный запах духов – сексуальной смеси жасмина и розы – дразнил обоняние, а россыпь золотистых веснушек на ее носике и щеках восхищала.

Сальваторе поджал губы, напомнив себе причину своего прихода сюда. Его дочери требуется помощь логопеда, а у мисс Риверс отличные рекомендации. То, что она привлекательна, совершенно не важно. Это не станет отвлекающим фактором. В своем одиноком детстве он научился управлять эмоциями, а частичная потеря памяти четыре года назад усилила его эмоциональную холодность.

– На данном этапе я прошу вас только об одном – посетить мой лондонский дом и познакомиться с Розой, – сказал Сальваторе. – После этого мы продолжим.

Дарси прикусила нижнюю губу:

– Дело не в том, что я не хочу помочь вам, мистер Каstellано...

– Хорошо, – перебил ее он. – Тогда едем. – Сальваторе встал, вынуждая Дарси запрокинуть голову, чтобы взглянуть на него. – Можете вы отложить свои дела, мисс Риверс?

«Интересно, услышит ли он слово «нет», если я произнесу его?» – задумалась Дарси. Сальваторе Каstellано действовал как танк, который все сминает на пути к желанной цели. Однако она не могла не признать, что ее тронула его решимость помочь дочери.

– Думаю, да. – Щеки молодой женщины порозовели, когда она вспомнила, как солгала, что будет занята остаток дня. – Но у меня уже уложены вещи, и я собираюсь отправиться во Францию в пятницу, поэтому не вижу в этом никакого смысла.

Темно-карие глаза встретились со светло-зелеными.

– Вы, в отличие от моей дочери, можете разговаривать, а Роза не способна выразить словами свои мысли, свои надежды, свои страхи.

Сальваторе намеренно играл на ее чувствах, но его замысел удался. Дарси подняла руки, признавая свое поражение:

– Хорошо, я познакомлюсь с вашей дочерью. Я оценю объем работы, а затем, если вы захотите, передам ее одному из своих коллег. Но должна предупредить вас, мистер Кастеллано: я не собираюсь ехать с вами на Сицилию.

Глава 2

– Мистер Кастеллано, я поеду на своей машине, – заявила Дарси, когда они с Сальваторе шли по парковке.

Несмотря на то что одна нога мужчины была травмирована, его шаг равнялся двум ее шагам.

– В этом нет необходимости. После визита я привезу вас сюда, и вы заберете свою машину.

Дарси покачала головой:

– С незнакомцами я не езжу.

– Клянусь, я не собираюсь изнасиловать вас на заднем сиденье, – сухо проговорил Сальваторе.

Он взглянул на женственную фигурку мисс Риверс. Интересно, соответствует ли огонь в ее зеленых глазах темпераменту? Внешне Дарси казалась спокойной и собранной, однако Сальваторе чувствовал, что под элегантным костюмом прячется сгусток сексуальной энергии.

– Кстати, можете сесть на переднее сиденье, рядом с моим шофером.

Сквозь тонированное стекло «бентли» Дарси разглядела фигуру шофера, сидящего за рулем, и ощутила себя идиоткой.

– Да, вы не знаете меня, – продолжал Сальваторе. – Вы пьете вино?

Дарси озадаченно взглянула на него:

– Иногда. Мой отец знаток вин и собрал довольно внушительную коллекцию.

– Тогда он почти наверняка знает, что вина «Кастеллано истейт» – лучшие на Сицилии. – Сальваторе засунул руку во внутренний карман пиджака и вытащил визитку.

Дарси взглянула на логотип компании, и ее осенило.

– Вина Кастеллано?! Я видела этикетки этих вин в супермаркетах и винных магазинах. Мой отец говорит, что виноградники Кастеллано поставляют самое лучшее вино, какое когда-либо изготовлялось на Сицилии. – Она неуверенно посмотрела на Сальваторе. – Вы... работаете в этой компании?

– Я владелец, – сообщил он. – По крайней мере, мне принадлежат виноградники и винодельня, а также дистрибьюторская компания, входящая в холдинг «Кастеллано групп». Мой отец отошел от дел в прошлом году, назначив меня и моего брата-близнеца исполнительными директорами. Серджио занимается развитием бизнеса, а также управляет отелем «Ройял» в Бейсуотере, который мы приобрели и отреставрировали пару лет назад. – Сальваторе открыл заднюю дверцу «бентли». – Теперь, когда вы знаете обо мне достаточно, разрешите подвезти вас?

Голова у Дарси кружилась от обилия информации. Значит, Сальваторе Кастеллано очень богат, он мультимиллионер, если не миллиардер.

Она покачала головой:

– Я все же предпочитаю ехать на своей машине.

Для Дарси это было гарантией того, что ситуация находится под ее контролем, и она может покинуть его дом в любой момент.

Сальваторе нахмурился. Он привык к тому, что ему беспрекословно подчиняются, и нашел упрямство Дарси раздражающим.

– Я поеду за вами, – сказала Дарси, – но вы назовете ваш адрес, и я заложу его в навигатор.

Он назвал адрес, включая почтовый индекс.

– Дом находится на Парк-Лейн, недалеко от Мраморной арки. – Сальваторе оторвал взгляд от обнажившегося бедра Дарси, когда она села в машину и юбка задралась, и подавил пробудившийся сексуальный интерес. – Для Розы будет проще, если мы отбросим формальности и будем обращаться друг к другу по имени. Дарси – очаровательное имя.

Ощущая жар во всем теле от хищного блеска глаз Сальваторе, Дарси была рада любому повороту беседы.

– Оно имеет ирландские и французские корни. Мой отец наполовину ирландец, наполовину француз, и он выбрал для меня это имя.

– Сальваторе означает «спасение».

К удивлению Дарси, он хрипло рассмеялся, но на секунду в его взгляде мелькнула мука, что стало для нее шокирующим открытием.

Он сел на заднее сиденье «бентли» и спрятался за тонированными стеклами автомобиля. В нем была какая-то загадка, но Дарси не собиралась ее разгадывать, тем более не теперь, когда до отпуска осталось два дня. Она завела мотор и последовала за машиной Сальваторе. Дарси уже сожалела об импульсивном решении встретиться с дочерью Сальваторе, но, вспомнив девочку с грустными глазами, ощутила прилив симпатии и жалости.

Движение в городе перед началом часа пик уже было сумасшедшим, и Дарси потеряла «бентли» из виду, к тому времени как повернула на Парк-Лейн. Неожиданно она заметила автомобиль Сальваторе, припаркованный возле потрясающего особняка в стиле неоклассицизма. Она перестроилась в другой ряд и въехала на парковочную площадку, радуясь, что ее маленькая машинка легко маневрирует.

Сальваторе стоял на верхних ступенях крыльца и был поглощен беседой с потрясающей блондинкой в очень короткой юбке и топе с глубоким вырезом, обнажающим грудь, достойную зависти. Дарси поняла, что они спорят. Женщина развернулась и начала спускаться, но Сальваторе схватил ее за руку.

Чувствуя себя неловко из-за того, что стала свидетельницей ссоры любовников, Дарси оставалась в машине до тех пор, пока женщина не высвободилась из хватки Сальваторе и не села в ожидавшее ее такси. Дарси тоже захотелось удрать, но Сальваторе уже шагнул по направлению к ней, и хромота ничуть не уменьшала исходящую от него силу и властность. Вздохнув, Дарси выбралась из машины.

– Наверное, будет лучше, если я уеду, – сказала она, чувствуя, как затрепетало ее сердце, когда он остановился перед ней.

Ее реакция на этого мужчину тревожила, так как этому не было разумного объяснения. После развода, произошедшего полтора года назад, мужчины Дарси не интересовали.

Когда он нахмурился, она пояснила:

– Я видела, как вы спорили со своей девушкой. Может быть, вы хотите догнать ее?

– Она не моя девушка, – скупое сообщил Сальваторе, и Дарси заметила, что он едва сдерживается. – Шэрон была няней моей дочери. Я нанял ее через агентство, когда привез Розы в Англию на операцию. Мы договорились, что она полетит с нами на Сицилию и будет присматривать за Розой. Но она помирилась со своим бойфрендом и уезжает к нему в Бирмингем.

– И кто же будет смотреть за Розой?

– Шэрон попросила одну из горничных. Дарси могла представить, как расстроилась Роза из-за того, что ее бросила няня.

– Бедная девчушка, – пробормотала она.

В темных глазах Сальваторе не отразилось ничего.

– К сожалению, Луиза, которая нянчила Розу с момента ее рождения, недавно вышла замуж. Быстро нанять кого-нибудь, кто знает язык жестов, не удалось. Шэрон была един-

ственной кандидатурой, которую мне предложили в агентстве. Я не был в курсе ее проблем с бойфрендом. – Он взглянул на Дарси. – Пойдемте я познакомлю вас с дочерью.

Сальваторе зашагал к дому. Спустя секунду Дарси последовала за ним.

– Роза любила свою прежнюю няню? Сальваторе пожал плечами:

– Думаю, да. Она не помнит свою мать. Наверное, поначалу Роза скучала по ней, но быстро оправилась от потери, как быстро справляется от всего негативного в ее жизни.

От его тона веяло холодом. Он говорил о своей дочери отчужденно. Дарси задумалась. Так ли уж легко пятилетняя девочка справляется от всего негативного? Но она оставила сомнения при себе, следуя за Сальваторе в дом. Пол был выложен серым мрамором, в холле стояла элегантная мебель. Создавалось впечатление, что они вошли в пятизвездочный отель. Да и атмосфера здесь была безличной. Все было красиво, однако отсутствовало ощущение дома, отсутствовало тепло. Впрочем, тепла не было и в хозяине.

Дарси взглянула на суровый профиль Сальваторе, когда они поднимались по винтовой лестнице.

– Потрясающее место, – сказала она.

– Вы так считаете? На мой вкус, слишком много мрамора, но, полагаю, дом должен производить впечатление. Этот дом приобрел мой брат. Он женился на англичанке, и вначале они планировали поселиться здесь. Потом у них родился сын, а сейчас Кристен ожидает второго ребенка. Теперь они редко бывают в Англии, поэтому я купил дом у Серджио. Большую часть времени я сдаю его в аренду арабскому шейху. Мы живем здесь только два месяца – с тех пор, как Роза поставили кохлеарные имплантаты.

Наверху Сальваторе открыл дверь и жестом пригласил Дарси войти. Она отметила, что в детской, по крайней мере, попытались создать нужную атмосферу: на стенах висели постеры с феями, а в углу стоял большой кукольный домик. Увидев их, девочка, сидевшая на подоконнике, соскользнула вниз и бросилась им навстречу.

Для своего возраста Роза была высокой и выглядела даже симпатичнее, чем на фотографии, которую видела Дарси. Ее выющиеся волосы были собраны в хвостик, а темные глаза, обрамленные длинными ресницами, были выразительны и красивы. Небольшая корбочка за ухом, подсоединенная проводом к аккумулятору, была единственным свидетельством перенесенной операции. Дарси знала, что она посредством магнитного поля связана с имплантатом внутри черепа. Это позволяло девочке слышать.

Лицо Розы засветилось, как только она увидела отца, но когда девочка медленно подошла к Сальваторе, на ее губах появилась неуверенная улыбка.

Сердце Дарси сжалось. Она ожидала, что Сальваторе обнимет дочь, но, хотя он улыбнулся ей, казалось, он испытывает неловкость. Сальваторе потрепал Розу по голове, словно был дальним родственником, не привыкшим к общению с детьми.

«Почему вы не обнимаете девочку?» – вертелось у нее на языке. Похоже, он не заметил боли, плескавшейся в глазах Розы. Но Дарси заметила и всем сердцем потянулась к ребенку.

В памяти женщины всплыли собственные воспоминания, когда ее отвергал отец. Джошуа не был намеренно жесток, но он часто был поглощен собой и не задумывался о чувствах других. Повзрослев, Дарси поняла его артистическую натуру, но в детстве она испытывала боль и была уверена, что чем-то расстроила отца.

Дарси наклонилась, чтобы ее лицо оказалось вровень с лицом Розы.

– Привет, Роза. Меня зовут Дарси, – мягко проговорила она, сопровождая свои слова жестами.

«Здравствуйте», – показала Роза, но не сделала попытки заговорить. Затем она взглянула на отца и спросила на языке жестов: «Где Шэрон?»

Сальваторе заколебался, а затем ответил: «Ей пришлось уйти и навестить друга».

«Когда она возвращается?»

Снова последовала пауза, наконец Сальваторе ответил: «Она не вернется».

Губы Розы задрожали. Дарси взглянула на Сальваторе, желая, чтобы он взял дочурку на руки и убедил ее, что, хотя няня ушла, он никогда ее не оставит. Однако вместо этого Сальваторе показал: «Дарси пришла с тобой поиграть».

«Все правильно, – рассвирепела Дарси. – Самое главное – вовремя взвалить проблему на чужие плечи». Она не понимала Сальваторе. Решение нанять для Розы логопеда свидетельствовало о том, что он искренне заботится о своей дочери, но внешне его любовь к Розе никак не проявлялась.

Дарси могла только предполагать, как жестоко страдает от такого отца глухая девочка, растущая без матери. Ей особенно нужны поддержка и любовь, но сердце Сальваторе, наверное, сделано из камня.

– Мне надо прикинуть, какой курс логопедии понадобится Розе, – сказала Дарси. – На это уйдет час или около того. – Когда Сальваторе направился к двери, она нахмурилась. – Я думала, вы будете при этом присутствовать.

– Займитесь делом, а я позвоню в агентство и попробую найти замену Шэрон.

Сальваторе не стал объяснять, что спешит вернуться в свой кабинет, потому что получил СМС-сообщение от брата, который хотел срочно поговорить с ним.

– Но...

– Розе, скорее всего, будет чувствовать себя свободнее, если я уйду, – оборвал ее Сальваторе.

Взгляд Дарси потемнел, и он понял, что мисс Риверс невысокого мнения о нем как об отце. Сальваторе ощутил вину. Она права: он далеко не лучший отец. Однако он не знал, как ведут себя любящие отцы. Когда Сальваторе рос, его отец всегда держался в стороне от детей, а что касается матери... Чем меньше говорить о ней, тем лучше.

Ему было пять лет, когда Патти бросила его. Он никогда не мог понять, почему она запрещала им с братом называть ее мамочкой. Однажды она уехала и взяла Серджио с собой. Сальваторе предположил, что она больше любит брата-близнеца, потому и взяла его с собой в Америку. Однако позже выяснилось, что она не любила и Серджио. Недавно брат признался ему, что Патти была алкоголичкой и часто била его, когда бывала пьяна.

Сальваторе не знал, почувствовал ли он себя лучше или хуже оттого, что выяснил правду о своей матери. Он возвел ее на пьедестал и много лет считал, что не заслуживает любви. Эта уверенность продолжала жить в нем до сих пор. Возможно, поэтому ему тяжело было проявлять эмоции.

Он очень хотел, чтобы все обстояло иначе. Он жалел, что не может открыто выражать свою любовь к Розе, как поступал Серджио, обожая своего сына Нико. Но Сальваторе не мог избавиться от чувства вины за то, что Розе росла без матери. И в его душе постоянно жил страх того, что однажды она возненавидит его.

– Я буду в своем кабинете. Нажмите кнопку «девять» на телефоне, если что-то понадобится, и к вам подойдет кто-нибудь из персонала.

Сальваторе едва взглянул на Розу, покидая детскую. Дарси это заметила и терялась в догадках, почему он так жесток со своей дочерью. Создавалось впечатление, что он предпочел бы, чтобы его дочерью занималась няня, но сейчас, когда Шэрон ушла, некому было сделать это.

Дарси взглянула на ребенка, и ее сердце перевернулось, когда она заметила тоскливое выражение, появившееся на личике Розы. Улыбнувшись, она подошла к девочке и села возле нее на корточки. «Мне нравится твой кукольный дом, – сказала она на языке жестов. – Могу я поиграть с тобой?» Несколько секунд Роза внимательно смотрела на нее. Как заметила Дарси, девочка унаследовала глаза своего отца. Перед ее мысленным взором встало красивое суровое лицо, и Дарси попыталась отмахнуться от этой картины. Молодую женщину трево-

жило то, с какой необъяснимой силой ее влечет к этому холодному и загадочному мужчине. Она здесь по делу и должна сосредоточиться на малышке, которая улыбалась ей неуверенно и нерешительно.

Час спустя стало ясно, что Роза – умненькая девочка. Но, охотно общаясь на языке жестов, она не могла или не хотела пытаться заговорить. Девочке понадобится поддержка со стороны взрослых, чтобы стать немного увереннее в себе, а еще время и терпение.

Дверь в детскую открылась, и Дарси оглянулась, ожидая увидеть Сальваторе. Но оказалось, что это дворецкий. Он сообщил, что подошло время ужина Роза.

– Мистер Каstellано занят, и он просил вас проводить его дочь в столовую.

Дарси не могла отказать, когда ей в руку скользнула маленькая ручка. Роза взглянула на нее с доверчивой улыбкой. Дарси порадовалась, что осталась, когда они вошли в огромную столовую. На длинном столе стоял один прибор.

«Твой отец не ужинает с тобой?» – спросила она.

Девочка покачала головой: «Папа ест позже. Он работает в кабинете».

Сердце Дарси вновь потянулось к ребенку, растущему в одиночестве, хотя и в роскоши. Было очевидно, что Роза не хватало тепла и любви.

«Ты поиграешь со мной?» – спросила Роза, закончив ужинать.

Понимая, что больше некому заняться девочкой, Дарси решила, что останется, пока не освободится Сальваторе. Вернувшись в детскую, они с Розой немного поиграли, затем девочка начала готовиться ко сну. Роза сняла батарею, которую носила в течение дня, и устройство позади ее уха – процессор кохлеарного имплантата.

«Я не люблю, когда темно, – показала девочка, когда Дарси задернула шторы и хотела выключить прикроватную лампу. – Ты оставишь свет?»

Вспомнив, как Мина ненавидела темноту, потому что не могла ни видеть, ни слышать, Дарси кивнула. Роза все больше напоминала Дарси ее сестру в детстве. Может быть, поэтому она мгновенно ощутила связь с ней. Но Мина росла, поддерживаемая любящими родителями, в то время как у Розы был отец с каменным сердцем.

Она пришла в ужас от безразличия Сальваторе к дочери. Он, может, и был самым сексуальным мужчиной на свете, но за потрясающей внешностью скрывалась та же пустота, что и за привлекательной оболочкой ее бывшего мужа. Надо бы раскрыть глаза Сальваторе на некоторые вещи, решила она.

Сальваторе посмотрел в окно кабинета и заметил, что деревья в Гайд-парке в сгущавшихся сумерках стали черными силуэтами. Поговорив с братом и узнав, что на винодельне был пожар, он решал возникшую проблему и не заметил, как пролетело время. Ему стало стыдно, что он оставил Розу одну, но горничная сказала, что Дарси Риверс задержалась и уложила его дочку в постель.

Сальваторе скорчил гримасу. Без сомнения, его длительное отсутствие укрепит Дарси Риверс во мнении, что дочка безразлична ему, хотя он любил Розу всем сердцем. Просто он не знал, как выразить свою любовь.

Сальваторе закрыл глаза, пытаясь справиться с головной болью. Несчастный случай произошел четыре года назад, и с тех пор его мучили мигрени. В последнее время приступы участились, и ему пришлось прибегнуть к помощи болеутоляющих. На этот раз голова заболела вскоре после того, как он узнал от Серджио, что его старый друг, Пьетро, умер. Эта новость стала для Сальваторе шоком. Пожилой винодел боролся с пожаром, и его сердце не выдержало. Мучительно было сознавать, что Пьетро Марелли отдал жизнь за вино, которым гордился. Работа с вином была у него в крови. Пьетро был виноделом в третьем поколении, а так как у него не было сына, которому он мог передать свои знания и опыт, он делился

ими с Сальваторе. Но Пьетро сделал для Сальваторе больше – он заменил мальчику отца. Он открыл ему дверь не только в свой дом, но и в свое сердце. Возвращаясь на каникулы в особняк Каstellано, Сальваторе сначала бежал повидаться с Пьетро. Тито, его отец, был всегда занят и не любил, когда его отвлекали.

Странно, что он помнит детство, но не в силах восстановить подробности аварии. Сальваторе забыл, что произошло после того, как он сел за руль машины и увез Адриану с вечеринки. Он очнулся в больнице, и ему сказали, что его жена погибла, когда машина потеряла управление на узкой горной дороге и упала с обрыва.

Доктор заявил, что Сальваторе повезло: он отделался серьезной травмой правой ноги и ушибом головы, однако сотрясения мозга не было. Его амнезия, как подозревал специалист, была вызвана психогенными факторами. Другими словами, неспособность Сальваторе вспомнить несчастный случай, а также брак – это защитная реакция мозга, пытающегося отместить тот факт, что он ответственен за смерть жены.

Сальваторе ощутил знакомый наплыв раздражения, когда он пытался вспомнить хоть что-то и наткнулся на стену. Казалось невероятным, что он женился на женщине, родившей ему ребенка, и в то же время не помнил ничего об их отношениях. Его теща развесила фотографии Адрианы по всему замку, но, глядя на них, Сальваторе не чувствовал никакой связи с этой женщиной.

Врач говорил, что память, возможно, со временем вернется к нему, а пока Сальваторе казалось, что он угодил в ловушку без прошлого и без будущего, да еще лишил дочь матери.

Он провел пальцами по пульсирующим от боли вискам и вернулся к разговору с Серджио. От пожара пострадали работники, но, к счастью, травмы не угрожали их жизни.

В дверь постучали. Сальваторе повернулся, когда вошла Дарси. Шелковистые медно-каштановые волосы обрамляли ее лицо. Она сняла жакет. Сальваторе видел округлости ее маленьких твердых грудей под блузкой. Он признал, что мисс Риверс весьма привлекательна, однако не понимал своего притяжения к ней. Раньше, в ее кабинете, Сальваторе проигнорировал взрывоопасное желание, но сейчас не мог глаз отвести от ее губ и даже представил, что он почувствует, если накроет эти мягкие губы своим ртом.

Однако ничего не отразилось на его неподвижном лице.

– Розы уснула?

– А разве вам не все равно? – В ее зеленых глазах полыхнул огонь. – Ваша дочь легла сорок минут назад и не засыпала целую вечность, надеясь, что вы придете и пожелаете ей спокойной ночи.

– Приношу свои извинения. – Глаза Сальваторе сузились при виде ярости, искажившей тонкие черты ее лица. – У меня были срочные дела.

– Вы должны приносить свои извинения не мне. Розы была разочарована, когда вы не пришли. Что может быть важнее вашей дочери? Как вы могли оставить ее на несколько часов в обществе совершенного незнакомого человека?

– По долгу службы вы работаете с детьми. Я знал, что Розы в хороших руках. Дворецкий передал мне, что она была счастлива, общаясь с вами.

Это небрежное замечание только усилило ярость Дарси.

– Значит, дворецкий – эксперт в вопросах детской психологии, так? – саркастически осведомилась она. – Вы просто невероятны!

Она повернулась к двери, успокаивая себя и напоминая, что отношение Сальваторе к дочери ее не касается. Розы была милой девчушкой, но Дарси не собиралась откликаться на молчаливую мольбу маленькой девочки с грустными глазами, которой не повезло с отцом. Лучше всего навсегда расстаться с Сальваторе и его пятилетней дочерью. Однако она не могла уйти, не высказав всего, что накопилось у нее на сердце.

– Не могу поверить, что вы абсолютно безразличны к своей дочери, – заявила она, пылая от возмущения. – У бедной девочки нет матери и, насколько я успела убедиться, у нее нет и отца!

Ее слова были для Сальваторе как пощечина, но на его мрачном лице не отразилось никаких эмоций. Он не привык, чтобы его критиковали, и поэтому испытывал раздражение от необходимости объясняться с Дарси.

– Обычно я желаю Розы спокойной ночи, но сегодня я был слишком занят.

– Вы не смогли уделить несколько минут одинокой маленькой девочке?

Подбородок Сальваторе напрягся.

– Сегодня днем на одном из складов винодельни вспыхнул пожар. Пострадали сотни баррелей первосортного вина, но, что хуже, трое рабочих получили ожоги. Я договаривался, чтобы их перевели в клинику на материке, и беседовал с их родными. Я не забыл о Розе, но был настолько занят улаживанием проблемы, что не осознал, как быстро пролетело время.

Он пригладил рукой волосы, и Дарси заметила узкую сеточку морщин в углах его глаз. Сальваторе хорошо скрывал свои эмоции, но было очевидно, что он тревожится за жизнь работников, пострадавших во время пожара.

– Я также связался с агентством, но у них нет няни, знающей язык жестов, а искать другое агентство было некогда. – Его темные глаза встретились с глазами Дарси. – Спасибо, что вы позаботились сегодня о Розе. Самое меньшее, что я могу для вас сделать, – предложить поужинать со мной сегодня вечером.

– Нет, спасибо, мне надо ехать.

При мысли о том, что придется еще пять минут провести в обществе этого человека, Дарси запаниковала. Сальваторе объяснил, почему он не пришел пожелать Розе спокойной ночи, но она чувствовала, что отношения между ним и дочерью складываются непросто, и, уж конечно, маленькая девочка в этом не виновата. И ей совсем не хотелось ужинать в компании загадочного мужчины, чей низкий голос с хрипотцой заставлял сильнее биться ее сердце.

Не сказав больше ни слова, Дарси поспешила выйти из его кабинета. Ее жакет и лэптоп лежали на кресле в холле. Она взяла свои вещи, но Сальваторе ее остановил:

– Совесть позволит вам бросить Розе?

– Мне? Бросить Розе? – Гнев закипел с новой силой. – Это уже слишком! – заявила Дарси. – Это не у меня нет времени, чтобы повидаться с дочерью. И не я приказываю слугам заботиться о ней. Моя совесть чиста.

Но, сказав это, она поняла, что совесть ее далеко не спокойна. Дарси вспомнила лицо Розы, когда она укладывала девочку в постель, и ее сердце защемило. Розы боялась темноты. Многие дети боятся темноты, но у глухого ребенка это вызывает панический ужас.

– Я оставила свои рекомендации по поводу сеансов логопедии. Вы можете передать их специалисту, который согласится приехать на Сицилию.

– Но моя дочь почувствовала в вас родственную душу.

Удар Сальваторе попал в цель – Дарси была тронута.

– Вам, надо полагать, об этом доложил дворецкий? – не без иронии осведомилась она.

– Нет, я сам видел, что Розе вы понравились. – Сальваторе заколебался, и, к изумлению Дарси, его лицо немного смягчилось. – Я видел ее, когда она ужинала. Вы вместе смеялись над чем-то.

Дарси озадаченно взглянула на него:

– Почему вы к нам не присоединились?

– Розе веселилась, я не хотел мешать. Честно говоря, он ощутил ревность, наблюдая за девочкой и молодой женщиной. Роза смеялась редко, и уж тем более не с ним. Она была счастлива лишь тогда, когда играла со своим кузеном Нико.

Сальваторе жалел, что не может уменьшить пропасть, существовавшую между ними. Он понимал, что эта пропасть будет только расти. Теперь Роза могла слышать, но он по-прежнему не знал, как вести себя с девочкой. Нелегко было смириться с ее глухотой, и в самых мрачных мыслях Сальваторе винил себя за то, что у Розы пропал слух.

Впрочем, он был уверен, что Дарси поможет его дочери заговорить, и, что самое важное, он инстинктивно чувствовал, что между ней и Розой может возникнуть связь, которая не возникла у него с собственным ребенком. Когда Сальваторе стоял в дверях столовой и смотрел на них, он был потрясен добротой Дарси по отношению к его дочери. Любым способом надо убедить ее поехать на Сицилию.

– Роза нуждается в вас.

Дарси заколебалась, нерешительность отразилась на ее выразительном лице. Сальваторе чувствовал, что она близка к тому, чтобы уступить. В холле появился дворецкий:

– Шеф-повар приготовил для вас и вашей гостьи ужин, сэр.

«Он выбрал удачное время», – мелькнуло в голове Сальваторе.

– Спасибо, Мелтон. Мы с мисс Риверс сейчас пройдем в столовую.

Глава 3

– Извините, я виноват. Из-за меня вам придется поздно возвращаться домой и готовить себе ужин, – сказал Сальваторе. Он видел, что Дарси готовится возразить, поэтому поспешил добавить: – Мой шеф-повар – француз, человек темпераментный. Если он расстроится, то может подать мне на завтрак лягушачьи лапки.

Дарси прикусила губу. Оказывается, у Сальваторе есть чувство юмора. Молодая женщина разрывалась: благоразумие говорило, что ей лучше немедленно уехать, но на другой чаше весов было сочувствие к его дочери.

Пока она колебалась, Сальваторе открыл дверь в столовую.

– Пожалуйста, проходите, – предложил он.

Его голос смягчился, и это повлияло на решение Дарси. Вопреки здравому смыслу она последовала за хозяином дома. Как только она села, дворецкий подал классическое французское консоме. От чашки с бульоном шел восхитительный аромат, и желудок Дарси заурчал, напоминая, что в последний раз она ела несколько часов назад.

Дворецкий предложил вино, но ей предстояло вести машину, и Дарси отказалась в пользу воды. К ее удивлению, Сальваторе тоже выбрал воду. Бросив взгляд на его чеканное лицо, на котором не отражалось ничего, она поняла, что он думает о чем-то своем. Сальваторе был не самым приятным хозяином, и Дарси, чтобы не сидеть в тишине, начала разговор.

– Почему вы решили стать виноделом? – спросила она.

Сальваторе пожал плечами:

– Когда я был маленьким, виноградники и винодельня влекли меня. Я был очарован тем, как растет виноград, и хотел понять, как он превращается в вино. Мне повезло: у меня был хороший учитель.

– Ваш отец?

– Нет.

Его краткий ответ поразил Дарси – она не пыталась это скрыть. Но ее вопросы обнажили сердце Сальваторе, усилив боль, которую он испытывал уже несколько часов. Однако времени оплакивать Пьетро у него не было. Он воздаст должное своему старому другу, когда вернется на Сицилию. Однако эмоции грозили задушить его, что случалось нечасто. Болеутоляющее, которое Сальваторе принял, еще не начало действовать, и голова у него разрывалась на части. Он хотел бы сейчас остаться один, но ему необходимо было заручиться согласием Дарси Риверс стать логопедом Розы.

«Я еще никогда не встречала такого замкнутого человека», – подумала Дарси, оставив попытки продолжить разговор. И еще она понимала: нелегко придется тому, кто должен будет объяснить Сальваторе, что ради своей дочери он просто обязан стать открытым и разговорчивым.

Дарси посмотрела на картину, висевшую на стене.

– Это не может быть подлинный Моне, – пробормотала она, вспоминая недавно прочитанную статью, в которой говорилось, что картина Моне была продана за несколько миллионов фунтов.

Сальваторе бросил взгляд на картину.

– Это Моне, – безучастно произнес он.

– Вы интересуетесь искусством? – спросила она.

Если Сальваторе Кастеллано любит искусство, значит, все не так уж плохо.

– Искусство интересует меня только с точки зрения инвестиций.

Дарси скорчила гримасу.

– Я имела в виду совсем другое, – призналась она. – Итак, вы интересуетесь только теми вещами, которые можно оценить с помощью денежного эквивалента?

– Деньги правят миром, – иронично протянул Сальваторе. – И, говоря о деньгах, – он подтолкнул к ней листок бумаги, – это та сумма, которую я готов заплатить, если вы согласитесь поехать на Сицилию.

Сердце у Дарси екнуло, когда она взглянула на цифры.

– Надеюсь, вы найдете гонорар достаточным, чтобы забыть об отдыхе. Деньги вам понадобятся, когда вы займетесь частной практикой.

– Да, понадобятся, – тихо ответила Дарси. Если она примет его предложение, ей не придется брать ссуду в банке. Да что там ссуда! Ей не надо будет работать целый год. – Должно быть, вы уверены, что я смогу помочь Розе.

Сальваторе пожал плечами:

– Я доверяю Джеймсу Форбсу, а он считает, что вы – замечательный логопед. Но прежде чем встретиться с вами, я проверил вашу квалификацию.

Дарси смотрела на застывшее лицо Сальваторе, пугающее из-за отсутствия эмоций. Она твердила себе, что проблемы маленькой Розы – не ее проблемы, но это не помогало. Маленькая девочка нуждалась в ней так же, как в свое время нуждалась ее сестра. Однако высокомерное предположение Сальваторе, что ее потрясет его богатство, вызвало гнев. Она заставит его понять, что, хотя он может швырять деньгами налево и направо, она не продастся.

– Вы понятия не имеете, что дело совсем в другом, верно? – поинтересовалась Дарси, разрывая чек и бросая ему обрывки.

Глаза Сальваторе сузились. Дарси отличается от других женщин, которых прельщало его богатство. А ведь он решил, что, узнав, что в столовой висит подлинник Моне, она постарается вытрясти из него побольше денег.

– Этого недостаточно? – сухо спросил он.

– Это огромные деньги.

– Тогда я не понимаю. – Сальваторе нахмурился.

– В это я могу поверить, что очень печально. Вы считаете, что деньги помогут вам купить все и кого угодно. Но деньги не научат вашу дочь говорить. Розе требуются время, терпение и поддержка, и не только от логопеда. Вы должны дать ей это.

Дарси смотрела на непроницаемое лицо Сальваторе и молилась, чтобы он понял, как важно его участие в этом длительном и, без сомнения, непростом процессе. Молодая женщина мысленно вздохнула и попрощалась с отпуском во Франции. Совесть не позволит ей отречься от Розы.

– Я решила поехать с вами на Сицилию. Мой гонорар будет таким же, как ежемесячная зарплата, которую я получала в клинике. Больше мне не нужно. Я готова остановиться в вашем замке и интенсивно заниматься с Розой в течение трех месяцев. За это время я подыщу другого логопеда, который согласится работать с вашей дочерью в дальнейшем. К концу сентября я должна быть в Лондоне. Это не обсуждается, – предупредила она, заметив вопрошающий взгляд Сальваторе.

– Почему вам надо вернуться к этому сроку?

– По личным причинам.

Ей не хотелось говорить, что она является членом знаменитой актерской семьи. Часто люди пытались стать ее друзьями из выгоды, которую сулило им это знакомство, и не последним в этом списке был ее бывший муж.

В ее мозгу всплыли воспоминания: Маркус в их постели с обнаженной женщиной. Он даже не был смущен, насколько она могла судить. После этого разгорелась ссора, и он признал, что женился на Дарси вовсе не потому, что любил ее. Маркус мечтал примкнуть к

династии Хартов, надеясь, что это благоприятно скажется на его актерской карьере. Дарси никогда еще не приходилось испытывать такое унижение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.